

БОРИС АЛЕКСЕЕВ

ПЛАНЕТА НАДЕЖДА

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ
КВИНТОЛЬ О ДОБРЕ И ЗЛЕ

Борис Алексеев
Планета – надежда.
Фантастическая
квинтоль о добре и зле

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22982536

*Планета – надежда. Фантастическая квинтоль о добре и зле. / Алексеев Борис: Издание книг ком; Москва; 2018
ISBN 978-5-9500348-2-4*

Аннотация

Музыкальный термин «квинтоль» (от лат. quintus – пятый) – особая ритмическая фигура, образованная делением основной длительности на пять равных долей вместо четырёх.

Наше тело существует в традиционном четырёхмерном пространстве, а душа (ведь она не от мира сего) – в особом пятом духовном измерении. Хочется думать, что пять фантастических повестей, предложенных читателю в этой книге, проведут его по всем пяти координатам небытия земного и бытия небесного. В путь!

Содержание

Испанская история	4
Часть 1	4
Часть 2	7
Часть 3	10
Часть 4	12
Часть 5	14
Часть 6	17
Часть 7	23
Часть 8	27
Часть 9	34
Часть 10	37
Часть 11	41
Часть 12	45
Эпилог	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Борис Алексеев

Планета – надежда.

Фантастическая

квинтоль о добре и зле

Испанская история

Часть 1

Экая безделица...

Испания. 1993 год. Приморский городок Сан-Педро. Я иду по коридору оздоровительного бассейна Талассия. Прямо передо мной, из бокового прохода вышаркивает огромный сутулый старик и, покачиваясь из стороны в сторону, направляется к выходу. Его походка напоминает колыхание шлюпки в волнах на короткой береговой привязи.

По причине хронического безделья (вторую неделю мне не случилось найти хоть какую-то работу) я придумываю себе занятие и беззаботно направляюсь за стариком. Как гребцы на двухместном каноэ, мы синхронно движемся по извилистому каньону коридора и через пару минут попадаем в

просторный вестибюль бассейна.

Мне двадцать лет. Для меня жизнь – это щедрая, расточительная игра, моя игра. И я играю на выигрыш независимо от окончательного результата!

Старик что-то шепчет консьержке, та улыбается и подаёт конверт. Он вскрывает печатку, пробегает глазами содержание бумаги и вдруг резко оборачивается в мою сторону. Я едва успеваю отвести глаза.

В вестибюле много народа и довольно шумно. Надеюсь, что старик не обратил на меня внимания, я продолжаю исподволь в полоборота наблюдать за ним. Мой визави тщательно мнёт таинственную бумагу и опускает комок в урну. С минуту он стоит, как бы провожая глазами брошенное письмо, затем расправляет сутулые плечи и решительно направляется к выходу.

Странные действия старика только увеличивают кураж преследования. Меня буквально распирает интрига происходящего, ведь я погружаюсь в чужую тайну! «Эх, был бы я писателем! – подумалось мне тогда. – Вот она – книга! Судьба вручает мне перо. Пиши!»

...«Каноз» пересекает бурлящую гавань вестибюля, проходит «пороги» витражных входных дверей и оказывается на ступенчатой отмели огромного океана улицы. Я крадусь по кошачьи метрах в четырёх позади старика. А он всё время прибавляет шаг, будто сбрасывает с сутулых плеч мне под ноги мгновения прожитой жизни.

Рискуя вызвать недоумённые взгляды уличных прохожих, я продолжаю идти за стариком и всё более люблюсь деталями его забавного экстерьера.

О, передо мной необыкновенный «исторический» артефакт! Длинные шорты болтаются на худых жилистых ногах, как открепившиеся паруса на двухмачтовой бригантине. Обут старик в поношенные кроссовки поверх плотных шерстяных носков. Сутулое, обнажённое до пояса тело исковеркано бесчисленным количеством лилово-коричневых пятен и мозолистых бугорков и напоминает старый морской бакен с налипшими чешуйками устриц, рачков и сухих перевязей морской травы.

Я спрашиваю себя: «Зачем ты идёшь за ним?» И продолжаю идти, не ожидая ответа...

Часть 2

Старик

Старик миновал территорию бассейна и направился к бухте. На одном из круговых перекрёстков он опять неожиданно обернулся. Я опустил голову и из-под руки посмотрел назад. Возле самой дороги, на балконе старинного особняка, мне привиделась молоденькая девушка. Она держала в руках красный, невероятно длинный шарф. Девушка непрерывно двигалась, подбрасывала шарф вверх и перебегала с одного края балкона на другой. При этом шарф, как воздушный змей, послушно следовал за ней. Наконец она остановилась, многократно повязала шарфом тоненькую шею и на моих глазах превратилась в огненный кокон! Мне припомнились строки из учебника начальной мореходки: «Красный свет маяка обозначает левую от безопасного сектора область для приближающихся судов». Знать бы тогда, сколько слёз и человеческого горя обнаружит в моей судьбе этот нехитрый ориентир житейского фарватера.

Но сейчас, очарованный танцем милой сеньориты, я застыл в неловкой позе, обернувшись назад и совершенно забыв о старике.

Неожиданно среди шума машин и крика чаек мой слух уловил шарканье удаляющихся шагов. Звук стёртых подошв почему-то напомнил неприятное поскрипывание песка на

зубах. Я повернул голову и увидел покатуую спину старика далеко впереди, почти у самой бухты. Несоответствие расстояния и звука озадачило меня. Я снова обернулся назад.

Ни старинного особняка, ни девушки на балконе не было в помине. За моей спиной галдел городской рынок, и чёрные размалёванные негры липли к посетителям, как сладкая вата.

С того рокового дня прошло без малого семьдесят лет, но я отлично помню ужас, охвативший мой ум от внезапной перемены декораций. Однако самым удивительным оказалось не это. Увлечённый игрой в преследование, я не стал ломать голову над внезапной метаморфозой бытия, но беспечно (о, молодость!) поспешил за стариком!

Мы подошли к пирсу. Старик махнул кому-то рукой. Через пару минут напротив нас причалила старенькая двухмачтовая яхта. Судя по облупившейся краске и канатным скруткам, время службы этой старой посуды давно подошло к концу.

Старик обогнул парапет и по откинутому трапу перешёл на палубу.

– Ты идёшь? – спросил меня матрос, скручивая канат с оголовка пирса.

Я ловко перепрыгнул через ограждение и вслед за стариком ступил на дощатый трап.

Яхта отчалила от берега и уверенно легла на курс. Команда принялась выполнять обыкновенную морскую работу. На

меня никто не обращал внимание. Я присел в одиночестве на кормовой рундук и от скуки стал разглядывать мускулистые тела матросов. Невнимание команды, несмотря на скромные размеры яхты, заставило меня наконец задуматься над тем, что происходит. Моё сердце начал подавливать страх перед неопределённостью моего положения и, возможно, роковыми последствиями невинной шутки. «Вот оно как оборачивается безделье души!» – подумал я.

Тем временем яхта, подобно засидевшейся за рукоделием барышне, резво бежала в открытое море. Она весело приплёскивала палубу бурунами встречных волн и посверкивала в лучах солнца начищенным судовым металликом. Берег же напротив плющился и превращался (вместе с моей двадцатилетней биографией) в узкую, едва различимую полоску суши между огромным неподвижным небом и грозным морем, взволнованным предстоящими событиями этой книги.

Я в задумчивости опустил голову на грудь и вскоре уснул прямо на корме, обласканный тёплым попутным ветром и мерными покачиваниями моего нового пристанища..

Часть 3

Держи штурвал, парень!

К вечеру погода стала меняться. Сырой колкий бриз разбудил меня. Я попытался встать и тут же повалился обратно на корму при очередном хлестком ударе волны о борт.

– Эй, челнок, – крикнул огромный матрос с рыжей копной вьющихся до плеч волос, – тебя кличет хозяин.

Я кое-как поднялся и, качаясь из стороны в сторону, побрёл в центр яхты. Цепляясь за канаты и всевозможные выступы судового оборудования, я не без труда смог подобраться к металлической двери капитанской рубки. Она была распахнута настежь и отчаянно болталась в такт общей качке. Привалившись к двери всем телом, я несколько раз постучал для приличия и, не ожидая ответа (за грохотом волн всё равно никто бы ничего не услышал), шагнул внутрь крохотного, уставленного приборами помещения.

Старик в повелительном тоне беседовал с капитаном о предстоящих морских передвижениях. Оба стояли ко мне спиной. Через минуту кэп обернулся и кивком головы приветствовал меня. Старик, не оглядываясь, проворчал:

– Кого там носит?

Неожиданно для самого себя я ответил так:

– Хозяин, ты звал меня.

В ответ старик ухмыльнулся и прошамкал съеденной ниж-

ней челюстью:

– Ну-ну.

Шестое чувство мне подсказало: этим «ну-ну» я только что зачислен в судовую команду.

– Эй, парень, рулить умеешь? – рассмеялся кэп. – Нет? Ну и лады, держи штурвал прямо и не сс....

Меня подмывало съёрничать и высказать витиеватую благодарность кэпу «за оказанную честь», но он уже отвернулся и продолжил разговор со стариком.

Часть 4

Знакомство

Часа через полтора вокруг капитанской рубки собралась в полном составе команда яхты. Кроме старика, кэпа и рыжего матроса, ещё два на вид отпетых морских волка, одетые в просоленные тельняшки, замыкали странное корабельное сообщество.

– Как зовут? – спросил меня кэп, стоя за спиной старика, развалившегося на единственном судовом стуле, привинченном к крепёжным вертикалям рубки.

– Огюст, – ответил я.

– Ты шёл за мной, – прошепелявил старик, и все в рубке уставились на меня, – зачем?

– Просто, – ответил я, не зная, что следует к этому прибавить.

– Просто? – усмехнулся старик. – Просто ничего не бывает. Я вёл тебя, мальчик.

Рыжий матрос поднёс старику кальян. Старик сделал затяжку, закрыл глаза и, казалось, отключился от происходящего.

– Это мои товарищи, – продолжил он через пару минут, указывая рукой на собравшихся вокруг матросов, – они свидетели моей долгой жизни. По глазам вижу, тебе не терпится взглянуть на собственную роль в этом спектакле на водах? –

старик ещё раз и как-то особенно печально усмехнулся. – Скоро всё узнаешь. А теперь спать. Вахтенные – Филипп и Васса.

Я немного освоился с качкой и вполне сносно устроился вновь на кормовом рундуке, отведённом мне для сна. Я лежал на спине, положив под голову канатную скрутку, и смотрел на звёзды. Серебристые горошины посверкивали в чёрном бархате неба, как бесчисленный песок на отмели в лунную ночь. Звёзды казались настолько рядом, что пару раз я невольно протянул к ним руку. Сон постепенно сморил меня, и я уснул на этот раз спокойно и легко, доверив судьбу новым биографическим обстоятельствам.

Часть 5

Пробуждение

Разбудил меня яркий солнечный луч, брызнувший в расщелину растянутых в небе парусин. Я открыл глаза и увидел над собой вежливую физиономию капитана.

– Господин Огюст, – кэп склонился надо мной, как изъеденный морскими течениями знак вопроса, – как почивали?

– Спасибо, хорошо, – ответил я, немало удивлённый его вниманием.

– Завтрак готов! – гаркнул один из матросов, подбегая ко мне с подносом, полным разнообразной морской всячины. У подноса были загнуты края, чтобы при качке горшочки с кушаньями не падали.

– Спасибо... – ещё раз ответил я, стараясь скрыть удивление перед весьма странным вниманием к моей персоне.

Пока я завтракал, матрос покачивался надо мной соответственно колебаниям яхты. Интересная деталь, при любом отклонении его тела от вертикали поднос он держал в строго горизонтальном положении.

Окончив завтрак и отпустив матроса, я огляделся. Первое, что мне показалось странным, это отсутствие старика. Я несколько раз внимательно обшарил глазами палубу, но старика действительно не было нигде. На яхте деловито совер-

шалась обыкновенная морская работа. Я подошёл к капитану.

– А где старик?

– Какой старик, господин Огюст? – ответил кэп вопросом на вопрос.

Я хотел продолжить дознание и вдруг запнулся. В голове мелькнула мысль о том, что роль старика в этом «спектакле на водах», судя по изменившемуся отношению команды, каким-то непонятным образом перешла ко мне. Его же самого нет и быть не может, потому что теперь есть я.

Мой взгляд больше не выискивал старика за судовыми выступлениями и нагромождениями, но внимательно вглядывался в лица матросов. И каждый из них, если наши глаза встречались, склонял голову в знак послушания моей ещё не высказанной воле.

Я присел в углу капитанской рубки на тот самый стул, на котором ещё вчера восседал старик. В голове отчаянно пульсировала кровь. Необходимо было сосредоточиться и обдумать моё новое положение и тактику общения с командой.

«Переубеждать их нет никакого смысла. Единственный аргумент, который мог бы всё расставить на свои места, это присутствие старика, но его нет!» Я вспомнил, как старикан смотрел на меня, когда я, исполняя его же приказ о немедленном отбое, вместе с матросами покидал капитанскую рубку. Мне тогда показалось, что он глазами умолял меня остаться, словно говорил: «Стой, я ещё не нагляделся

на тебя! Побудь рядом...» Но я вышел, и он не остановил меня.

– Господин Огюст, курс, предложенный вами вчера, опасен даже для такого маневренного судна, как наше. Мы правим на шлейф, где мелководная каменная гряда может повредить корпус и создать нам определённые трудности. Прикажете не менять курс?

«Зачем он это сделал? – подумал я, понимая, что решение было принято стариком осознанно. – Этой ночью закончилось его время, он успел передать мне права на собственную жизнь, но, похоже, не успел вложить в своё таинственное послесловие самое главное – жить!

– Да, мы меняем курс на обратный. Мы идём в порт, – объявил я как можно более твёрдым голосом.

Предупреждая лишние вопросы и не дай Бог возражения, я вышел из капитанской рубки, «вельможно» указав кэпу на карту береговой линии, а рыжему верзиле – на штурвал.

Начался прилив, движение воды увеличило без того предельную скорость хода. Через три с половиной часа перед нами забрезжил тонкий горизонтальный силуэт берега. Ещё через час мы вошли в гавань Сан-Педро и причалили к пирсу набережной. Как только швартовый канат был наброшен на оголовок кнехта, я поспешил на берег.

Часть 6

Катрин

А теперь представьте изумление, которое я испытал, когда вышел на набережную. Вместо крикливого суматошно-го туристического Сан-Педро 90-х годов передо мной, как в сферическом кинозале, предстало давным-давно ушедшее время...

Портовая архитектура, мелкие киоски и журнальные тумбы, экипажи и фасоны платьев горожан походили на бытовые зарисовки первого десятилетия двадцатого века. Высокие жёсткие воротники, широкие шляпы и причёски в стиле девушек Гибсона, худые, спортивные силуэты и однобортные костюмы мужчин – всё это давным-давно вышло из моды и многократно забыто ею. Однако визуальная реконструкция быта столетней давности была выполнена весьма убедительно. «Наверное, – подумал я, – за время моего плавания в городе что-то изменилось, и на набережной прямо сейчас снимается какой-то исторический фильм...

Вдруг за моей спиной раздался хрупкий, как полевой колокольчик, девичий голосок:

– Хэй, Огюст! – я обернулся. Ко мне бежала молоденькая и лёгкая, как перо, девушка. Не успел я опомниться, как она обвила мою шею своими тоненькими соломенными ручонками.

– Огюст, Огюст, – шептала юная пэри, вжимаясь в мои небритые щёки, – ты вернулся, я так счастлива!

Ситуация!.. Крылами рук юная богиня обнимает вас, её густые шелковистые волосы щекочут вам ноздри, а вы... вы даже не знаете, как зовут вашу прекрасную незнакомку!

– Пойдём скорей! – девушка чмокнула меня в ухо и потянула за руку в сторону первой линии домов. – Мои с утра уехали в Торревьеху, я в доме одна. Я так по тебе соскучилась!

По дороге она без умолку рассказывала мне новости прибрежного квартала, случившиеся в моё (?) отсутствие. Я же разглядывал приметы незнакомого мне времени и старался понять, что на самом деле со мной происходит.

Мы подошли к старинному особняку. Его главный фасад был украшен многочисленной затейливой колоннадой. Над центральным портиком на уровне второго этажа располагался просторный балкон, увитый старой виноградной лозой. Точно такую же архитектурную деталь я видел, когда мы со стариком переходили улицу... Скаты крыши и пологие фронтоны дома посверкивали красной, недавно положенной медью. Во всём чувствовалась умная мужская рука и женское внимание к мелочам.

– Пойдём же! – девушка открыла ключом высокую парадную дверь и буквально втолкнула меня в прихожую. Мы поднялись на второй этаж, прошли по коридору и оказались в просторной светлой зале. Три огромных окна наполняли вы-

сокие своды залы рассыпями золотистого света. Я невольно улыбнулся, разглядывая дивный солнечный аквариум, в котором человек должен был, по замыслу архитектора, ощущать себя весёлой рыбкой, потерявшей связь с земной гравитацией.

– Ну что ты стоишь? Идём! – мы обогнули высоченную китайскую ширму и вошли в уютный, уставленный мягкой мебелью уголок.

Тут я заметил небольшой кремового цвета листок бумаги, подколотый к ширме на поперечную шёлковую вязь. Листок был исписан крупным неровным почерком. Я разобрал только первую строку: «Катрин, любимая...».

– А, это. – девушка поморщилась, – Это Рикардо, мой двоюродный брат. Влюбился в меня, как мальчик! Я ему говорю: «Рикардо, я же тебе сестра, ты не должен меня любить как женщину». А он за своё: «Браки заключаются на небесах. Кто там знает, что ты моя сестра?» Я ему говорю: «Бог всё про нас знает, и Дева Мария тоже!» А он: «Ну и пусть знают. Я всё равно тебя люблю и хочу на тебе жениться!» Тогда я рассказала отцу о проказах Рикардо...

– И что отец? – спросил я, думая совершенно о другом.

– Отец любил Рикардо и сказал: «Он смелый!»

– И что же дальше?

– Дальше? Да ничего. Рикардо не вернулся из плавания. Говорят, слишком много выловили дорадо и перегрузили шхуну. Из того звена не вернулся никто. А на следующий

день мне сказали, что видели твою яхту у Розовых островов целой и невредимой. Я так за тебя обрадовалась, что совершенно не могла скорбеть по Рикардо, когда его память отпевали в церкви. Отец тогда на меня страшно разозлился: «Твой брат не вернулся, а ты даже слезы не прольёшь!» Вот так.

Девушка опустила голову и добавила:

– Не обижайся. Я тебя так долго ждала, я ни в чём перед тобой не виновата! Ты мне веришь?

– Конечно, верю, Катрин, – ответил я, наслаждаясь событием, указавшим имя моей «возлюбленной». Она присела на диван.

– Иди ко мне.

Я опустился перед ней на колени и поцеловал её ладонь:

– Катрин, я очень по тебе соскучился, но, милая, я так устал. Позволь мне передохнуть с дороги, – я говорил медленно, стараясь правильно подбирать слова.

– Конечно! – девушка облегчённо выдохнула, улыбнулась и весело спорхнула с дивана. Ни тени смущения или огорчения я не увидел на её лице, вновь искрящемся любовью и трогательной заботой обо мне. – Я провожу тебя в твою комнату! Отец разрешил, чтобы ты жил у нас. Он хочет с тобой поближе познакомиться и надеется подружиться. Пошли!

Катрин проводила меня на первый этаж в крохотную, любовно убранную комнату. Без лишних слов она нежно поцеловала меня в щёку и вышла, прикрыв за собою дверь.

Я остался один. «Господи, да что же, в самом деле, происходит?» В моей голове кружился, как карусель, ворох самых разнообразных чувств. С одной стороны, я горько сожалел о потере родного дома, где меня ждут отец и сестра. Как-то они сейчас там? И вообще, с какой стати я оказался в чужом времени, с незнакомыми мне людьми! А с другой...

Будет неправдой, если сказать, что «у себя» в 90-х я был востребован и счастлив. Я рано потерял мать. Отцовское воспитание скорее походило на десятилетний курс самостоятельности без права на ошибку. С любимой девушкой отношения, несмотря на взаимную любовь, так и не сложились. Она не смогла принять моё хроническое безденежье, а я – её высокомерную заносчивость по пустякам и внутренний настрой на всеядный разорительный шоппинг. «Тут, пожалуй, такого нет», – подумалось мне.

Перебирая в памяти впечатления дня, я с удивлением обнаружил, что отсутствие техники на улицах, за исключением двух-трёх забавных автомобилей с ревущими, как львиный прайд, двигателями и выхлопными трубами, извергающими громады чёрного дыма, меня нисколько не напрягало. Наоборот, я с трогательным удовольствием наблюдал многочисленные конки и огромные, несоразмерные человеку велосипеды. Пока мы с Катрин шли от набережной к дому, меня так и подмывало остановить проезжавшую мимо пустую пролётку, развалиться на её кожаном сидении и мчаться по городу, поглядывая свысока на осанистое дефиле прогули-

вающихся мимо горожан!

Часть 7

Хуан Антонио Гомес Гонсалес де Сан-Педро...

Утром меня разбудило осторожное постукивание в дверь. Я нехотя открыл глаза и тут же зажмурился от яркого утреннего солнца.

– Кто там?

– Сеньор Огюст, вас ждут к завтраку, – ответил низкий женский голос, видимо, служанки.

– Благодарю, сеньора, сейчас иду! – Я украсил ответ вежливым словом благодарности и вдруг понял: всё происходящее со мной – не сон! Да, время, в котором я оказался, давно кануло в Лету. Но ведь исторический взгляд на происходящие события – не единственный. Я понятия не имею о релятивистской механике Эйнштейна, но, говорят, там случается и не такое!

Меня охватил восторг эксперимента. «Ага, – подумал я, – теперь сообразно новым обстоятельствам мне предстоит изменить и внутреннюю моторику, и речь, и общий стиль поведения. Не захочу же я казаться белой вороной!»

Я оделся, тщательно оглядел себя в зеркало и вышел из комнаты. Действительно, пожилая служанка ждала у двери. При моём появлении она чуть присела, затем выпрямилась

и, не говоря ни слова, торжественно поплыла вверх по парадной лестнице. Я последовал за ней.

Мы вошли в искрящуюся солнечным светом залу. Описанию этого великолепного помещения автор уже посвятил ранее несколько восторженных строк. В центре залы, за огромным обеденным столом сидели три человека – мужчина лет пятидесяти, красивая статная женщина (как сказали бы «у нас», – таинственного бальзаковского возраста) и несравненная Катрин.

При моём появлении мужчина, в котором трудно было не различить отца семейства и главу дома, встал и вышел мне навстречу.

– Папа, это Огюст, я прошу вас с ним познакомиться, – опустив голову, проговорила Катрин, чуть привстав на своём месте.

– Хуан Антонио Гомес Гонсалес де Сан-Педро, – торжественно произнёс глава семьи, протягивая мне руку.

– Огюст Родригес Гарсиа, – ответил я, пожимая его руку.

– Моя жена, Мария де Монтсеррат Риарио Мартинес де Сан-Хосе, – выговаривая имя жены, дон Хуан отвесил супруге церемониальный поклон, – моя дочь, э-э... впрочем, мою дочь вы, насколько я понимаю, уже знаете. Прошу за стол, сеньор Родригес, – усмехнулся хозяин и указал на единственный свободный стул.

Не успел я присесть, как слуга в потёртой малиновой ливрее поставил на стол четвёртый прибор и принялся укра-

шать его всевозможными яствами.

– Сеньор Родригес, моя дочь сказала, что, пока вы были в плавании, ужасный пожар уничтожил ваше родовое гнездо в Картахене и вам предстоит отстраиваться заново. Примите мои самые искренние сожаления.

Я склонил голову, лихорадочно соображая, что мне следует отвечать на это печальное известие.

– В связи со случившимся позвольте мне, сеньор Родригес, – продолжил дон Гомес, – предложить вам услуги нашего дома, пока вы не исправите положение погорельца.

Отмалчиваться дальше не представлялось возможным.

– Досточтимый дон Гомес, примите мою искреннюю благодарность, – коротко ответил я, припомнив наказ отца: «Меньше слов – меньше печали».

По окончании приветственного ритуала дон Гомес, а за ним и все остальные приступили к завтраку.

Впервые в жизни я чинно принимал пищу. Это что-то!

В нашем светлом будущем мы совершенно не заботимся об изобразительной стороне дела. Польза целиком и полностью определяется количеством съеденного. Во время трапезы за спиной практически каждого едока изнывает от безделья какая-нибудь аппаратура. И привычка постоянно нажимать кнопки нарушает редкие минуты правильной и счастливой жизни.

Теперь же, постигая науку неторопливого застольного разговора, я отвечал на вопросы родителей Катрин и по ходу

разговора вживался в чужую, незнакомую мне реальность. Одновременно я резал на кусочки дымящуюся на тарелке мякоть кордеро, сдобренную не менее, чем десятью приправами и соусами, которые предлагали слуги и лично сам хозяин. Я глотал отрезанные кусочки, не пережёвывая. Жевать и одновременно толково отвечать на вопросы у меня просто не получалось.

Наконец трапеза закончилась. Я и Катрин попрощались с родителями и вышли на городскую набережную.

– Катрин, скажи, – ко мне вдруг подступила злость, – имя Огюст и есть имя твоего возлюбленного?

Катрин остановилась и испуганно посмотрела на меня.

– Не спрашивай больше меня так! – она опустила голову и до боли вжала свои острые ногти в мою ладонь. – Ты мой любимый, ты – Огюст, ты, понимаешь?

Часть 8

Чужая жизнь

Через месяц мы с Катрин поженились. Моя непутёвая «многовековая» жизнь получила наконец пристанище на ухоженной житейской поляне среди «райских» кущ начала века. Ночами мне снился Мадрид, ревущий «Сантьяго Бернабеу», огромный железнодорожный муравейник Аточа...

Но, просыпаясь поутру, я возвращался в неспешный рай моих милых прародителей и с каждым днём всё более радовался этому! Я с грустью думал о насельниках будущих силиконовых и матричных долин, которым предстоит родиться много позже и в малоприспособленных для простой и счастливой жизни обстоятельствах.

А через год, как и положено в благородных семьях (кто знал, что я стану благородным доном!), у нас родилась дочь Мария Луиса Родригес Гомес Гонсалес де Сан-Педро.

Мы продолжали жить в Сан-Педро у гостеприимного дона Гомеса, отдавая всеми возможными уловками его внимание от Картахены. Катрин была моей союзницей. Но любые самые интимные шёпоты по ночам каждый раз прерывались её гробовым молчанием, лишь речь заходила о прошлом. Мне это казалось странным. Не желая огорчать милую Катрин, я всё реже касался в разговорах щекотливой темы моего появления в её жизни.

Легко, под парусом счастливых перемен бежало время. Несмотря на медовую вереницу лет, мне всё явственнее казалось, что между нами есть кто-то третий, и мы с Катрин каким-то странным образом ему служим. Поначалу я хотел наделить эту таинственную личность привычками благородного дона, – всё сущее возводить ко благу. Однако вскоре стал ощущать, как его невидимая петля затягивается вокруг моей шеи, приятно щекоча кожу...

Я не понимал, как быть с внутренним беспокойством, которое не отпускало меня даже в самые светлые дни нашего общения с Катрин. Долго не решаясь приоткрыть кому-либо тайну моей жизни, я всё же в одно из посещений церкви (на утреннюю воскресную мессу мы ходили торжественно всей семьёй) исповедал святому отцу смятение сердца, умолчав, правда, о первопричине овладевшего мной душевного настроения. В ответ я услышал, увы, дежурные слова: «Молись Благому Богу, Он наставит». Исповедав священнику полуправду, я не прояснил для себя ничего.

Первое подтверждение моих глухих опасений пришло незванно.

Катрин поведала о планах отца навестить родовую усыпальницу в Рабате. Так я узнал, что род дона Гомеса восходит из марокканских земель, и с радостью согласился сопровождать Катрин в этой семейной поездке. День отъезда был назначен на 20 апреля 1912 года.

Окружение семейства Катрин состояло в основном из ры-

баков и торговцев рыбой. Второй год наблюдая жизнь, где царствовали невод и попутный ветер, я начал заниматься... литературой! Вы не поверите, во мне открылся необычайный писательский талант. Я строчил одну книгу за другой, выписывая невероятные метаморфозы будущего. Признание читательской публики и даже в некотором смысле славу мне принесли «смелые научные гипотезы и предвидения». В прошлой своей жизни я так и не научился ничего делать толком, но как всякий обыватель проявлял любознательность в самых различных областях. Моих поверхностных знаний оказалось достаточно для производства успешной фантастической беллетристики.

В один из первых дней нашего знакомства с Катрин, желая скрасить незнание окружающей жизни, я неожиданно для самого себя погрузился в фантазии.

Моё убедительное описание будущей жизни с первых слов привело Катрин в совершенный восторг. Её восторг передался мне, и, как говорится, «коренную понесло»!

– На смену конкам, – вещал я доверчивой девушке, – придут электрические трамваи, в Мадриде, говорят, такое уже встречается. Вдоль набережной поднимутся высокие многоэтажные дома! Опыты воздухоплавания положат начало освоению стратосферы, а лет через пятьдесят и самого космоса!..

Катрин слушала, затаив дыхание. Когда же я немного успокоился, она взяла меня за руку и сказала, очень серьёзно

посмотрев мне в глаза:

– А ты напиши про всё это!

Я начал было возражать, но она обняла ладошками мою голову и повторила:

– Да-да, напиши, обязательно напиши! Это так странно!..

Засев по настоянию Катрин за непривычную и поначалу неприглядную для меня работу, я ощутил с первых же строк ветер в руке! Моё перо, будто перо птицы, трепетало и мчалось вперёд, обгоняя неповоротливые мысли. Когда оно останавливалось перевести дух, мысли, задыхаясь от бега, настигали строку-беглянку. Они начинали упрекать перо в излишней самостоятельности и «ветреном!» поведении. Но перистое диво, не дослушав их, снова мчалось вперёд, и шум встречного ветра заглушал нравоучительную болтовню обоих полушарий!

В плане фантастического предвидения я имел одно неоспоримое преимущество перед собратьями по перу: я реально знал, о чём пишу. Поэтому приключения моих героев отличались изысканной достоверностью. Например, я знал, что 14 апреля 1912 года произойдёт крушение легендарного «Титаника», и вёл сюжетную линию одного из последних моих рассказов прямо через это событие. И, к слову сказать, чуть не поплатился репутацией честного человека за свою творческую и человеческую безалаберность, обнаружив «необычайное предвидение» катастрофы незадолго до того, как она случилась.

Весть о гибели «Титаника» с быстротой молнии облетела Европу. К вечеру 15-го об этом уже знали и в Сан-Педро.

Мы с Катрин уложили кроху спать и отправились в трапезную залу, где двое слуг вели последние приготовления к ужину. Когда мы вошли, мадам Риарио Мартинес стояла, отогнув штору, и смотрела в кремнистый проём вечернего неба. Дона Гомеса ещё не было. Я поклонился мадам Риарио и присел на диван, а Катрин подошла к матери и обняла её за плечи:

– Мама, что случилось, ты чем-то огорчена?

Мать вздрогнула, повела плечами и, повернувшись к дочери, ответила:

– Дождёмся отца, он сейчас будет.

Дон Гомес ворвался в гостиную, комкая в руке газету «Вечерние новости и происшествия».

– Это как изволите понимать? – выпалил он, едва сдерживая эмоции. – Весь город судачит, что в нашем доме завёлся чёрный предсказатель! Сеньор Родригес, может быть, вы соблаговолите объяснить нам, что всё это значит, что это за литература, от которой мурашки бегут по коже?! Откуда вы знали заранее о гибели «Титаника»? Завтра здесь будет обер-прокурор с дознанием о ваших литературных достоинствах. Это немислимо! Знать о гибели тысяч людей и никому ничего не сказать!

– Дон Гомес, – как можно более спокойно ответил я, – простите, но мои книги гуляют по всей Европе. Почему же

только сейчас обратили внимание на предсказание о гибели судна?

Дон Гомес на мгновение застыл в нерешительности, потом бросил газету на стол и буркнул:

– Признаться, не знаю.

– Папа, – вступилась за меня Катрин, – Огюст предупредил о возможной катастрофе! Ты же сам читал его роман «Чужая жизнь». Ты помнишь, что чудо-корабль мистера Бройля тоже назывался «Титаник», и он тоже столкнулся с айсбергом! Но ведь никто из нас не вспомнил об этом, когда из вечерних новостей мы узнали о строительстве настоящего «Титаника». Говорят, книга Огюста была поднята из воды среди прочих вещей. Значит, о ней знали на корабле!

– Катрин, пожалуйста, спокойнее, – вмешалась в разговор донна Риарио, – всё это очень, очень неприятно.

– Вот что, Огюст, – дон Гомес впервые назвал меня просто по имени, – мы 20-го отплываем. Я прошу тебя (отец впервые обратился ко мне «на ты») остаться. Ты должен остаться и уладить неприятности, которые вот-вот обрушатся на нашу семью в связи с этим ужасным происшествием. Донну Риарио и Катрин я должен на время увезти отсюда. Надеюсь, у тебя получится.

Ужин был совершенно испорчен. Дон Гомес, не коснувшись столовых приборов, встал из-за стола, сухо попрощался и удалился к себе в кабинет. Донна Риарио сослалась на головную боль и поспешила выйти вон, с трудом сдерживая

слёзы. За столом остались мы с Катрин вдвоём.

– Не обижайся на отца, – сказала Катрин, – ему сейчас трудно выбрать правильное решение.

– Я понимаю, – ответил я, – поезжайте.

Часть 9

Невозвращение

20 апреля я простился с Катрин и её родителями. Дону Гомесу с женой и дочерью предстояло на небольшом моторном судне вдоль береговой линии плыть в Альмерию. Из Альмерии на пароме пересечь Средиземное море и высадиться в Мелильи. И по прибытии в Африку каким-то образом добраться до Рабата. Говорили, что из Мелильи в Рабат пустили регулярные конки. Дай-то Бог.

Я с волнением представлял тяготы дальнего путешествия и возможные невзгоды в пути. Но, увы, я оказался плохим предсказателем. Всё случившееся оказалось гораздо хуже...

Когда паром вот-вот должен был войти в территориальные воды Мелильи, с континента внезапно обрушился штормовой ветер. За час он поднял огромную волну. Паром был перегружен: в трюмную палубу кто-то умудрился загнать целое стадо племенных испанских бычков. Большая волна качнула паром вдоль корпуса (капитан не успел или не смог поставить судно под ветер), тяжёлый корпус присел на борт. Скот повалило в сторону крена, и от резкого смещения центра тяжести паром перевернулся.

Погибли все – сто пятьдесят четыре пассажира и семь членов экипажа.

Не стало благородного дона Гомеса, трогательной донны

Риарио. Но главное, я потерял мою восхитительную Катрин и с ней смысл новой удивительной жизни, в которой я нашёл себя и своё счастье.

Так я остался с четырёхлетней дочкой Марией и верной прислугой в огромном родовом особняке дона Гомеса и его супруги донны Риарио. Душа предавалась скорби, и я практически не выходил в город. Передо мной день и ночь стояла живая, несмотря ни на что, Катрин.

Пока мы были вместе, я не знал, сколько любви исподволь образовалось в моём сердце за пять лет счастливой семейной жизни. И вот теперь это огромное, искрящееся улыбками милой Катрин количество счастья рассыпалось, как карточный домик. Вместе с ним рассыпался на части и мой личный тысячепалубный «Титаник», собранный из трогательных пазлов новой удивительной жизни...

Первое время, примерно дней десять, наш дом действительно тревожили дознаниями о причинах катастрофы «Титаника». Но вскоре, приняв во внимание мою личную трагедию, люди оставили притязания и при всяком удобном случае спешили поучаствовать в моих делах и выразить свои соболезнования.

Ежедневно я старался хоть немного распутать печальный клубок обстоятельств, обративших к гибели счастье и благосостояние моей семьи. Главной загадкой случившегося, конечно, был внезапный штормовой ветер, в одночасье поднявший на море бурю. Береговая система штормовых пре-

дупреждений почему-то не сработала. Ветра с Сахары – не редкость в окрестностях Мелильи, но никогда раньше, как утверждали береговые синоптики, штормовой ветер не являлся неожиданно. Об аномальных отклонениях атмосферного давления метеослужба Марракеша сразу по телеграфу сообщала в Рабат, из Рабата информация передавалась в Танжер и оттуда в Мелилью.

Ещё этот скот. Следствию так и не удалось установить виновников перегрузки парома. Свершившееся казалось мне зловещим предсказанием многих будущих неприятностей.

Но надо было жить дальше. Осиротевшую сердечную любовь я направил на дочь. Любить эту кроху оказалось совсем нетрудно. Маленькая Мария с каждым днём всё более принимала черты резвого очаровательного ангела!

Служанка Беренгария взялась воспитывать девочку. Я был не против, зная меру преданности нашей семье этой почтенной и мудрой женщины. Так в старый дом сквозь сумрак смерти вошла новая звонкая жизнь.

Часть 10

Мария

Прошло пятнадцать лет. Все эти годы я и Мария почти ежедневно ходили к морю и разговаривали с голосами, которые отвечали нам по ту сторону горизонта. Маленькая Мари хотела знать о матери всё, и мы с Катрин наперебой рассказывали ей хрупкую историю нашей семейной жизни. Она же, присев на корточки, мочила в пенных бурунах ладошки и всегда переспрашивала, когда ветер крал над водой какое-нибудь из слов матери.

В дни морских волнений мы оставались дома и подолгу глядели на море из огромного окна залы, понимая, что сегодня, как бы громко ни отвечала нам Катрин, ветер и грохот волн не позволят нам насладиться беседой.

В один из дней я сидел в своём рабочем кабинете и писал очередную повесть.

В дверь постучала Беренгария:

– Господин Огюст (я позволял ей называть меня по имени), какой-то молодой человек просит у вас аудиенции.

Я положил рукопись в стол и вышел из кабинета. У перил парадной лестницы стоял и сгорал от смущения совершенно растерянный молодой человек огромного роста и лет двадцати на вид. В руках он держал букет цветов и пакет, от которого распространялся чарующий аромат копчёной рыбы.

Я спросил, что ему нужно. Молодой человек, краснея и путая слова, завёл долгую и бессвязную речь. Минут через пять я всё же понял причину его появления в нашем доме: он пришёл... сватать Марию.

Впрочем, догадаться было нетрудно. В щель между балюстрадами второго этажа испуганно, как дикий котёнок, выглядывала моя дочь. С трудом сдерживая улыбку, я наблюдал на лице Мари откровенное страдание за своего, надо полагать, возлюбленного. Из чувства гостеприимного человеколюбия мне пришлось выслушать монолог парня до самого конца. Наконец юноша смолк.

Я обратился к Марии:

– Мари, объясни, пожалуйста, что происходит? Этот симпатичный молодой человек говорит мне, что пришёл тебя сватать, это так?

Видимо, я обратился к Мари слишком громко. От смущения парень шагнул назад, оступись, но ловко по-корабельному удержал тело, обхватив перила лестницы, как швартовый канат, огромными ладонями. Я понял всю бестактность своего поведения. Ко мне, отцу, пришёл в дом мужчина просить руки моей дочери, я же, как баба, разговариваю не с ним, а судачу с Марией!

Я подошёл к парню и обнял его за плечи:

– Ты, гляжу, моряк что надо! С кем плаваешь?

От моих ободряющих слов у парня засверкали глаза, и он стал захлёб рассказывать о своём отце, старшем брате Ро-

меро и ещё бог знает о чём. Говорил он складно, с прибаутками, рассказывая, смеялся и даже один раз дружески хлопал меня по плечу. Тут уже рассмеялся я, а он пристыженно смолк и виновато опустил голову.

– Ну-ну, – ободряюще сказал я, разглядывая его, – а как же тебя всё-таки зовут?

– Альберто, меня зовут Альберто, – ответил парень, почему-то краснея лицом.

– Ну вот и славно, – сказал я. – Мари, хватит прятаться, подойди ко мне.

Мария выпорхнула «из засады» и с пылким смирением юной католички встала под мою левую руку. Я соединил их ладони и торжественно произнёс:

– Дети, любите, берегите друг друга и примите моё отеческое благословение. С Богом!

Колесница моей жизни покатилась в очередной раз по счастливому семейному кругу. Через месяц после описанного выше сватовства Альберто и Мария повенчались в церкви Святой Троицы на Авенида Дель Пилар, в двух шагах от родового дома Марии, ставшего по обоюдному со мной согласию семейным очагом новой молодой семьи.

Я видел Мари теперь значительно реже. В часы отдыха от рукописных упражнений меня всегда тянуло к морю. Только здесь я мог насладиться сладчайшим одиночеством в компании моей несравненной Катрин и маленькой Мари. Я проводил на берегу долгие часы, беседуя с ними о нашем общем

будущем. Всякий раз, когда я приходил на берег, благородные души дона Гомеса, донны Риарио и моей несравненной Катрин, белые и стремительные, как чайки, рассаживались вокруг меня и, выкрикивая отрывистые «*ья, ья...*», рассказывали подробности своего последнего путешествия. Порой мне казалось, что я слышу слова: «*Ты напиши, напиши*». – «*Да, Катрин, я напишу, напишу!*» – отвечал я. При этих словах согласия неизменно одна из чаек устремлялась в небо и, истошно крича «*ья-ья*», делала широкий торжественный круг надо мной.

Часть 11

Таис

Дни напролёт загруженный собственными планами, я не успел истратить целиком любовь сердца на маленькую Мари. Это заметил Господь. Не прошло и года, как у меня появилась внучка, крохотная Тайс.

– Мари, разве ты была такой же очаровательной крохой?! – воскликнул я, когда нам с Альберто разрешили войти в комнату роженицы.

– Папа, – улыбаясь до ушей вымученной улыбкой счастья, ответила мне Мария, – я была такая же, просто ты был тогда ещё маленький!

Альберто предложил назвать дочь в честь бабки, но я воспротивился. В моём сердце никак не умещалось две

Катрин. Первая и единственная занимала моё сердечное пространство без остатка. Я же хотел любить внучку совершенно особо. Мне казалось, что под складками огрубевшей от переживаний кожи образовался самостоятельный орган для выражения зрелой прародительской любви – второе, вернее, третье сердце. Мари изящно разрешила наши с Альберто сомнения:

– Альберто, папа, посмотрите на календарь, – сказала она, – сегодня же день святой Таисии, мне так нравится это мудрое имя!

– «Таисия Египетская, V век, мудрая, плодородная...» – щурясь против яркого солнца, прочитал Альберто.

– Быть посему! – я облегчённо выдохнул, поцеловал Мари и удалился в кабинет, напевая на ходу: «Таисия, Тайс, Тай-йя и я!...»

Альберто служил старшим матросом на почтенном промысловом корабле «La amable Maria». Хозяин корабля дон Панчо подумывал о постройке нового судна, понимая, что время «Кроткой Марии» подходит к концу. На верфи в Аликанте он заложил новый корабль, постройка которого должна была завершиться через год.

В приподнятом настроении дон Панчо заключил контракт на морской транзит в кипрский Лимассол какого-то сельскохозяйственного груза. В это последнее плавание «Марии» он решил отправиться сам и пригласил в команду на правах почётных гостей многих отслуживших ему верой и правдой матросов.

Более того, двенадцать кают, предназначенных для коммерческих пассажиров, он бесплатно отдал родственникам основной команды корабля. Этим обстоятельством воспользовался Альберто и на правах старшего матроса испросил у дона Панчо разрешение взять в плавание Марию. «Что ж, Мария на «Марии» – это добрый знак!» – ответил дон Панчо.

Мари была в восторге от возможности поучаствовать в предстоящем путешествии и пересечь Средиземное море на знаменитом корабле дона Панчо. Она даже полагала взять в

плавание малышку Таю, но я воспротивился, сказав с усмешкой: «Нет уж, внучку на волю волн я не отпущу!»

Зачем я так неосторожно пошутил, ведь та малая мудрость, которую мне довелось приобрести ценой жестоких лишений и уроков Божественной Воли, научила меня не бросать слова на ветер. Поспешно высказанные мысли (то первое, что приходит в голову) частенько становятся лукавой импровизацией нашей свободной воли.

Разве можно шутить с морем? Оно не понимает житейской схоластики. Для среды, не знающей лукавство, сказанное обретает силу руководства к действию. Мы можем двояко понимать происходящее. Море – никогда...

И вновь в моей жизни случилось непоправимое. На самом подходе к Кипру, огибая мыс Гата, «Кроткая Мария» почему-то потеряла фарватер и на полном ходу пошла напрямик на рифы.

Это случилось ранним утром. Все, кроме вахтенных, ещё спали. Первый подводный камень прорубил шпунтовый пояс по форштевню около грузовой ватерлинии, второй вонзил свой клык с другой стороны ниже водореза. Получив две огромных пробоины в носовой части, «Мария» резким увеличением положительного дифферента поднырнула, выплыв над водой корму. Теряя управление, она рухнула на третий огромный, выступающий из воды риф, перевернулась от удара на бок и медленно стала погружаться, увлекая за собой даже тех немногих, кто успел прыгнуть в воду с тонущего

корабля...

Весть о гибели «Кроткой Марии» пришла в Сан-Педро спустя четыре дня. Жители города вышли на набережную. Тысячи цветов плыли по воде вдоль всего берега. Старая Беренгария с малышкой Таей на руках бродила среди горожан и плакала, призывая Господа Бога в свидетели случившегося. Вокруг меня собралась толпа друзей нашей семьи. Десятки рук трогали мои плечи. Каждый из собравшихся мне что-то говорил, заглядывая в глаза. Я же слышал только звуки, похожие на крики чаек, – «ья, ья, ья...»

Часть 12

Неберущийся интеграл судьбы

Третий раз начинать жизнь с точки, едва отличной от нуля (Бог сохранил мне маленькую Таю), оказалось совсем непросто. Говорят: «Только раздрав пелену страдания, можно увидеть истину».

Помню, отец положил передо мной тоненькую книжку и сказал: «Сын, прочти этот русский бестселлер. В нём есть подсказка, как обрести правду перед Богом». На обложке была нарисована белая русская метель и крупными буквами написано: «А. Pushkin, Eugene Onegin, la novela en verso». Повинуясь воле отца, я перелистал роман до конца. Если сказать честно, мне не понравился ни язык Пушкина, ни беспокойный сюжет романа, ничего общего с нашей размеренной испанской жизнью не имеющий. Но одно соображение всё же врезалось в мою память на всю жизнь: Пушкин очень хотел из Онегина, этакого фигляра, сделать человека думающего. Он заставил его убить на дуэли друга, одарил Евгения чистой ангельской любовью и тут же заставил его от неё отказаться. Поумнев, Онегин понял, от какого счастья он беспечно отвернулся, и в нём проснулась настоящая высокая любовь, но было, увы, поздно. Его маленький Наполеон оказался не у дел...

Я рассеянно читал и помню, как на одной из страниц меня

буквально пробило током. Сколько же надо претерпеть Божественных подсказок, чтобы человек открыл для себя простую истину: нельзя принимать обстоятельства жизни (в которые, как в одежды, рядится твоя судьба) за случайную вереницу не связанных друг с другом событий!

И теперь, возвращаясь глубоким стариком к моей юношеской мысли, я с великой скорбью размышляю о человеческом беспамятстве. Если бы накануне гибели Катрин я понял, что заигрался, сложив две неслагаемые величины в одну, разве я отпустил бы мою любимую в Рабат?

Опьянённый успехом, заваривая остросюжетный коктейль очередной повести, я легкомысленно решил утолить творческую жажду рассказчика, черпнув с места гибели «Титаника» ковш ледяной Атлантики. Я совершил страшный грех – исполнил литературный «танец на костях»! Волна людского возмущения ненадолго отрезвила меня. Но перед Богом я свой грех не исповедал, разве что замаял. А вскоре и вовсе забыл о нём.

Благословляя Мари в далёкое и опасное путешествие, я был искренне уверен, что «по истечении срока давности» мои грязные танцы прощены и нет никакого смысла вспоминать старые ошибки. Наверное, всё сложилось бы иначе, умей я вглядываться в последовательность житейских событий не как потешный беллетрист-рассказчик, но как умный аналитик, читающий между строк промысел судьбы.

Я отложил в стол литературные упражнения и стал просто

жить, наблюдая беспокойные 30-е годы и анализируя окружающие меня события. Я видел, как симпатичные, уравновешенные люди под чарами той или иной идеологии превращались в жестоких фанатиков. Я страдал душой, глядя на моих юных соотечественников, идущих на заклание ради ценностей, которые завтра будут объявлены мнимыми.

Как легко увлечь благородную душу жертвенным призывом! Жертвенное начало – это поводок, за который лукавый бес тянет наши души в ад самоубийства. Ведь никогда ни одна революция, ни одна война, развязанная с благими намерениями, не сделали человека счастливым. Бес слишком хитёр, чтобы мы могли беспечно творить в этой жизни благо, сдирая с себя, как колючки придорожного репейника, его когтистую волю. Конечно, в минуты личной жертвы Бог с нами. Но мы сами отстраняемся от Него в агонии жертвенного сластолюбия. Даже в присутствии Бога бес умудряется нашёптывать нам свою волю!

Эпилог

Закончилась Вторая мировая война. В городок вернулись искалеченные войной горожане. И это называется нейтралитет! Впрочем, если бы не наш славный каудильо Франсиско Франко, всё могло оказаться гораздо хуже, и мы бы с этим прохвостом Гитлером вляпались в дерьмо по самое не могу.

Тая исполнилось семнадцать лет! Красотой лица и лёгким благородным станом она вышла в бабку. Наблюдая это семнадцатилетнее сокровище, я позволял своему сердцу изредка погружаться в омут молодости. Мне чудилось, что рядом вновь гарцует несравненная Катрин, и мы бежим вдоль набережной наперегонки. А где-то впереди огромное белое солнце размечает нашу «беговую дорожку» жаркими полуденными лучами!

Всю зиму у меня болела спина. Годы брали своё, а я наблюдал с беспечным равнодушием, как они вступают в «свои имущественные права».

В один из дней за завтраком Тая обратилась ко мне:

– Дед, ты себя запускаешь. Я купила абонемент в бассейн с подогретой морской водой. Как раз для тебя.

Она передала мне маленькую синюю карточку, на которой значилось *TALASIA bono piscinas*». Я повертел карточку в руке и спросил:

– Когда?

– А когда хочешь. Знаешь, дед, иди прямо сейчас!

– А что, пойду, пожалуй! – усмехнулся я и вышел из-за стола, поцеловав и поблагодарив Таю за заботу.

Почтенный человек моего возраста никогда не делает ничего сразу. Нажитая мудрость побуждает его перед началом всякого действия анализировать многие обстоятельства, которые обычно скрыты от близорукой молодости. Старый человек не гонится за новизной. Для него новое – это, как правило, вариация на тему уже известного старого. Настоящее новое для такого великовозрастного чудака – ярчайшая редкость. Старик консервативен. Он знает, что не успеет в оставшееся время жизни применить незнакомое событие, и оттого к новизне относится, как к театральному действию, удобно располагаясь в ложе для почётного зрителя. На предложение снизойти до фарса и поиграть на сцене вместе с молодыми комедиантами он, как правило, отвечает вежливым отказом. И ещё. Человек моего возраста смотрит на сверкающий сиюминутный мир, но видит в нём только то прошлое, где случились главные события его жизни.

Поэтому очень нескоро я отправился греть кости в бассейн с тёплой морской водой, выстроенный недавно на краю города, недалеко от набережной Сан-Педро. Закончив массажные процедуры, я вышел из раздевалки в длинный извилистый коридор, ведущий в вестибюль бассейна. Этот коридор напомнил мне заброшенный узкий каньон на египетском побережье, в котором я оказался лет двадцать назад. Помню,

прогулка по гулкому океаническому дну тогда чуть не стоила мне жизни.

Вдруг я услышал глухой незнакомый голос: «Ты стар, Мне нужен другой. Он рядом!»

Я обернулся. В пяти-шести метрах от меня шёл, вернее, крался, как кошка, молодой парень лет двадцати.

«Вот оно что...»

Мне захотелось устыдить парня и прогнать его от себя, пока не случилось непоправимое. Но в этот миг я ощутил прилив недюжинных физических сил. Слова, готовые сорваться с языка, замерли. Я выпрямился, покорно «подцепил парня на буксир» и повёл к пристани.

Проходя мимо собственного дома, я обернулся и посмотрел вверх. Милая Тая весело махала мне с балкона красным шарфом. Тем самым шарфом Катрин. Необычайно сильно кольнуло под сердцем. Кольнуло по-настоящему, в дюйме от смерти. Да, некая сила требует передать эстафетную палочку молодому и сильному организму.

Как дымок сигареты, проплыла и растаяла в сумраке коридора вереница улыбающихся лиц – Катрин, дон Гомес, донна Риарио, Мари, Альберто... Неужели история обязательного жертвоприношения во имя «продолжения жизни» повторяется? Неужели всесилен этот магический Дарвин, определивший факт биологической репродукции высшей человеческой ценностью?

– Слушайте, Дарвин! – гулко, как эхо, прокричала моя

старушка-совесть: – Да, я не хочу умирать. Но вторгаться в жизнь другого человека во имя продолжения собственной, вторгаться, как кукушка в чужое гнездо, я тоже не хочу! Слышите, не хо-чу!..

...Мы подошли к пирсу. Через минуту причалила та самая яхта. Я узнал капитана, рыжего верзилу матроса, Вассу, Филиппа. Они выглядели всё так же, будто их не коснулись шестьдесят лет, прошедшие с нашей последней встречи.

– Господин Огюст, прошу на яхту! – торжественно сказал кэп.

Я перешёл на палубу.

– А ты что? – спросил матрос паренька, следовавшего за мной.

Парень занёс ногу, размышляя, как бы половчее перепрыгнуть через швартовый канат.

– Господин Огюст, изволите подать ужин? – спросил улыбающийся до ушей рыжий верзила.

Не слушая его, я обернулся и рукой остановил роковой акробатический этюд:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.